

Н.Л.Кременцов
СОВЕТСКАЯ НАУКА НА ПОРОГЕ
ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: «ДЕЛО КР»

Послевоенное развитие советской науки было предметом многочисленных исследований. Историки анализировали различные аспекты и эпизоды этого периода, уделяя особое внимание событиям в биологии и, в частности, — в генетике, где триумф Т.Лысенко и последовавшая за ним «смерть» классической генетики трактовались как ключевые. В работах западных исследователей утвердилось мнение, что август 1948 ознаменовал начало «холодной войны» в советской науке. Открывшиеся партархивы, однако, содержат материалы, позволяющие предположить, что события 1948 — не начало, а скорее пик «холодной войны». Поворотной же точкой в послевоенной истории советской науки было лето 1947, когда ЦК ВКП(б) развернул большую пропагандистскую кампанию «по делу профессоров Клюевой и Роскина», ставшему известным как «дело КР». Только в последние годы появились немногочисленные публикации, освещающие как само «дело», так и его подготовку¹. Эти публикации, однако, базируются в основном на воспоминаниях участников событий и рисуют «дело КР» как очередной пример сталинских репрессий против интеллигенции². Материалы партийного архива позволяют реконструировать детальную картину подготовки и проведения «дела КР» и вписать его в более широкий контекст послевоенной истории советской науки и общества в целом.

СЛАДКИЕ ПЛОДЫ ПОБЕДЫ

Война существенно повлияла на все стороны жизни страны, и научное сообщество не избежало этого влияния. Одним из результатов стало существенное расширение институциональной

¹ См.: Рапорт Я. «Дело КР» // Наука и жизнь. 1989. №11. С.101-107; Грицман Ю.Я. Медицинские мифы XX века. М., 1993.

² В.Д.Есаков подготовил публикацию документов из партархивов, освещающих «дело КР» (см.: Кентавр. 1994. №2). К сожалению, в процессе работы над этой статьей я был лишен возможности использовать эту публикацию. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить Владимиру Дмитриевичу мою глубокую признательность за многочисленные вдохновляющие беседы в «курилке» РЦХИДНИ, которые помогли мне разобраться в хитросплетениях «дела».

базы советской науки. Во время и немедленно после войны был организован целый ряд новых структур, таких как Академии медицинских и педагогических наук, академии (или филиалы союзной Академии) наук во всех республиках Советского Союза.

Победа над Германией принесла многочисленные «плоды» советскому научному сообществу. Работа ученых над «оружием победы» заставила гос- и партаппарат признать важность науки в целом и специальных знаний ученых в частности. И.В.Сталин отмечал: «Советская интеллигенция своим созидательным трудом внесла неоценимый вклад в дело разгрома врага»³. В течение 1943-1946 государство удостоило ученых многочисленных наград и премий. В марте 1946 СНК выпустил специальное постановление, установившее значительные привилегии для научных сотрудников исследовательских институтов и преподавателей вузов.

В течение 1943-1946 практически все просьбы ученых, обращенные к аппарату, находили поддержку: просили ли ученые увеличить объем и тираж научного издания, организовать новый институт или журнал, построить дачи для академиков или увеличить пенсии, все просьбы немедленно (с поправкой на неповоротливость государственной машины) удовлетворялись⁴. Опять, как это было в 1920-е, ученые приглашались на высокие посты в различные государственные и партийные ведомства в качестве советников и экспертов. В конце войны даже Отдел науки ЦК, впервые за время его существования, попал под руководство ученых, а не идеологов. Физик С.Г.Суворов и биолог А.Р.Жебрак были приглашены для работы в Отделе, контролировавшем основные направления научной политики страны.

Все эти события знаменовали серьезные изменения в государственной научной политике и отношении высших государственных лиц к науке и ученым. Одним из важнейших следствий стало разрушение «изолирующего барьера» между советскими и западными учеными.

Военный союз с западными странами позволил восстановить международные контакты советских ученых, которые начали сворачиваться в середине 1930-х и были полностью разрушены в 1939 году. Обмен научными публикациями, материалами и делегациями был восстановлен. В 1945 ЦК утвердил решение АН организовать «Международное издательство» для публикации серии монографий о достижениях советских и западных ученых. Издательство также должно было выпускать «Международный научный

³ Цит. по: Комаров В.Л. Волнующая беседа // ВАН СССР. 1945. №1-2. С.8.

⁴ Протоколы Секретариата ЦК за 1945-1946. — РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.116.

журнал»⁵. Во время войны «Вестник АН СССР» организовал специальные рубрики — «По страницам иностранных научных журналов», «Зарубежная печать о советской науке», «Наука за рубежом», в которых печатались рефераты и обзоры научной периодики США, Великобритании и других союзных держав.

В ноябре 1944 академ. В.Л.Комаров посетил Сталина. Это была первая личная встреча президента АН с вождем. По описанию Комарова, Сталин живо интересовался успехами советских ученых и обсудил с ним важнейшие проблемы развития науки в СССР⁶. Во время этой встречи было решено провести в следующем году 220-летний юбилей Академии.

Эта странная цифра (220) позволяет предположить, что главной целью праздника была демонстрация правительством признания заслуг Академии и советских ученых в победе над Германией. По инициативе Сталина делегации ученых из союзных держав были приглашены участвовать в торжествах. Во время празднования в июне 1945 правительство устроило в Кремле специальный прием в честь иностранных ученых, во время которого В.М.Молотов — министр иностранных дел и зампред СНК — предложил тост за развитие «тесного сотрудничества между советской наукой и иностранной наукой в интересах наших народов»⁷. Этот тост, как и многие другие заявления высших государственных чинов (не говоря уже об ученых), символизировал новую идеологию государственной научной политики — во время войны была возрождена концепция «единой мировой науки». Она заменила собой представление о двух отдельных, противостоящих друг другу науках — советской и западной, буржуазной и пролетарской, господствовавшее в 1930-е.

Демонстрация Соединенными Штатами атомной бомбы поставила новый акцент в международных отношениях советской науки — осенью 1945 родилась «гонка вооружений». Советское правительство явственно осознало необходимость дальнейшего развития и укрепления науки. В речи перед избирателями в начале февраля 1946 Сталин заявил, в частности: «/.../ особое внимание будет обращено /.../ на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы (бурные аплодисменты). Я не сомневаюсь, что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время

⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.449. Л.188-200.

⁶ Комаров В.Л. Указ. соч. С.541.

⁷ ВАН. 1946. №7-8. С.51.

достижения науки за пределами нашей страны»⁸. Последняя часть сталинского заявления — «догнать и перегнать западную науку» — стала главным лозунгом советской науки на ближайшие годы. Настаивая на необходимости развития международных контактов, советские ученые широко апеллировали к «достижениям науки за пределами нашей страны» в своих «переговорах» с чиновниками. Авторитет международного научного сообщества стал весомым аргументом при принятии решений в сфере научной политики.

Война существенно ослабила идеологический контроль парт-аппарата над научным сообществом. Нужды войны переадресовали внимание государственных чинов с «идеологического значения» на немедленные практические результаты научной работы. «Чудесное оружие», созданное в годы войны, подорвало приоритет «соответствия» научных исследований государственным идеологическим концепциям, которое было главным источником беспокойства партийных чиновников в 1930-е.

Все упомянутые события создали в научном сообществе атмосферу, если можно так выразиться, «эйфории победы». Ученые поверили в то, что им будет позволено самим направлять развитие науки так, как они считают нужным, что партийные идеологи больше не будут вмешиваться в научные вопросы и что советская наука опять, как это было в 1920-е, вернется в лоно «мировой науки». Можно полагать, что у них были существенные основания для такой веры. Одним из наиболее убедительных доказательств в пользу такого предположения является проект «Плана научно-исследовательской работы Академии наук СССР на 1946-1950 гг.», утвержденный ЦК летом 1946.

ЖДАНОВЩИНА

Война принесла ослабление идеологического контроля над страной в целом и над научным сообществом в частности. Срок этого послабления оказался, однако, чрезвычайно коротким. В конце лета 1946 член Политбюро, секретарь ЦК А.А.Жданов, открыл новую идеологическую кампанию, вошедшую в историю как *ждановщина*.

Широкая публичная кампания открылась серией постановлений ЦК: 14 августа — «О журналах "Звезда" и "Ленинград"»; 26 августа — «О репертуаре драмтеатров и мерах по его укреплению»; 4 сентября — «О кинофильме "Большая жизнь"». Все они

⁸ ВАН. 1946. №2. С.11-12.

были направлены против «вредного влияния буржуазной культуры» на советских людей, обвиняли писателей, журналистов и режиссеров в преклонении и низкопоклонстве перед западной культурой, в забвении принципа партийности и принципиальности в идеологической борьбе. Осень 1946 была заполнена многочисленными собраниями деятелей культуры, обсуждавшими необходимые выводы из партийных резолюций. Главными лозунгами разворачивающейся кампании стали — «За высокую идейность» и «Против безыдейности» в литературе и искусстве⁹.

Кроме широкой кампании в массах, партаппарат предпринял ряд институциональных мер по «укреплению идеологического фронта». В июне 1946 Управление агитации и пропаганды ЦК учредило новую газету «Культура и жизнь» (быстро переименованную публичкой в «культуру и смерть»), которая стала главным рупором партийных идеологов в вопросах культуры. В ноябре того же года ЦК учредил Академию общественных наук и новую Высшую партшколу. Все эти институции были призваны «пополнять и совершенствовать научные кадры по общественным дисциплинам»¹⁰.

Зимой 1946-1947 в кампанию была вовлечена философия. ЦК организовал дискуссию по книге начальника Управления агитации и пропаганды ЦК Г.Ф.Александрова «История западно-европейской философии». Александров был обвинен в тех же грехах, что и деятели культуры — безыдейности, аполитичности, забвении принципа партийности и тому подобных¹¹. Весной 1947 в кампанию «включились» экономисты. Развернулась дискуссия о путях развития мировой экономики после мировой войны.

Историки внимательно исследовали возникновение и развитие ждановщины¹². Они анализировали возможные международные и внутренние причины новой идеологической кампании, ее последствия для советской политики, литературы, музыки и культуры в целом¹³. Большинство историков, однако, осторожно избегали вопрос о влиянии ждановщины на советскую науку и науч-

⁹ См. передовицу «Марксистско-ленинское воспитание интеллигенции» (Правда. 1946. 18 сентября. С.1).

¹⁰ См. доклад А.А.Жданова 6 ноября 1946 (ВАН. 1946. №11-12. С.35).

¹¹ Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопросы философии. 1993. №2. С.83-106.

¹² См.: Ra'anani G. International Policy Formation in the USSR: Factional «Debates» during the Zhdanovshchina. Archon Books, 1983; Hahn W. Postwar Soviet Politics. The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation. 1946-1953. Ithaca, 1984; Fitzpatrick Sh. The Cultural Front. Ithaca, 1992.

¹³ См. Swayze H. Political Control of Literature in the USSR. 1946-1959. Cambridge, 1962; Schwarz B. Music and Musical Life in Soviet Russia. Bloomington, 1983.

ное сообщество, поскольку наука, казалось, была не затронута многочисленными партийными постановлениями. Такая осторожность вполне понятна, поскольку в опубликованных материалах, которыми главным образом пользовались историки, наука действительно не является главным действующим лицом.

В целом кампания действительно была адресована прежде всего «мастерам культуры» и идеологическим работникам. Вплоть до лета 1947 она не оказывала серьезного влияния на научное сообщество. Естественно, администраторы от науки немедленно усвоили риторику текущей кампании и стали широко использовать ее в различных речах и публикациях. К примеру, вице-президент АН В.П.Волгин, на заседании редакционно-издательского совета Академии 14 сентября 1946 заявил, что «постановление о журналах "Звезда" и "Ленинград" имеет принципиальное значение для науки»¹⁴. По примеру деятелей культуры проводились собрания и совещания по «обсуждению» партийных постановлений, принимались многочисленные резолюции «о перестройке научной работы в свете решений партии по идеологическим вопросам»¹⁵. Тем не менее, вплоть до лета 1947 научное сообщество продолжало «пожинать плоды победы» — относительную свободу от идеологического контроля партаппарата. Летом, однако, оно получило первый сигнал приближающегося конца «либерализации» — в июле ЦК выпустил специальное закрытое письмо «по делу КР».

АМЕРИКАНСКИЕ ГОРЫ

Непосредственным поводом для письма была работа двух ученых — члена-корреспондента АМН Н.Г.Клюевой (1898-1971) и профессора МГУ Г.И.Роскина (1892-1964) над антираковой вакциной.

Еще в 1930-х Роскин начал эксперименты по изучению влияния паразитического микроорганизма — *Tyranosome Cuci* на рост клеток у мышей. Он обнаружил, что паразит разрушает клетки ткани, в которую он проникает. Эти наблюдения послужили основой для дальнейших экспериментов, осуществленных в сотрудничестве с Клюевой. Клюева и Роскин изучали влияние мертвых и живых трипаносом на развитие раковых опухолей у мышей. Очевидно, что эти эксперименты были вдохновлены работами по

¹⁴ ВАН. 1946. №10. С.119-120.

¹⁵ См., например: О перестройке учебной и научной работы Московского университета в связи с решениями ЦК ВКП(б) по вопросам идеологии. М., 1946.

изучению антибиотиков, которые полным ходом шли во время войны в США, Великобритании и СССР. На основании предварительных результатов Клюева и Роскин предложили для лечения злокачественных опухолей «Препарат КР», показавший высокую избирательность в разрушении злокачественных образований у мышей. Авторы опубликовали несколько статей с описанием результатов их экспериментов, которые привлекли внимание коллег. Информация о работах над антираковой вакциной появилась и в зарубежной печати. Именно это, по-видимому, явилось причиной посещения лаборатории Клюевой 20 июня 1946 американским послом в СССР Уолтером Б.Смитом.

ВВЕРХ

Визит американского посла в Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней, в котором располагалась лаборатория Клюевой, был организован при посредничестве вице-президента АМН А.И.Абрикосова и министра здравоохранения Г.А.Митерева. Министерство даже снабдило его переводчиком. Журналист Э.Финн также присутствовал при встрече Смита с Клюевой и Роскиным; его письмо по начальству освещает содержание встречи¹⁶. Финн писал, что Смит пригласил Клеуеву и Роскина посетить США для ознакомления с работами по раку, проводимыми американскими исследователями, а также предложил свою помощь в обеспечении лаборатории необходимым оборудованием и материалами и просил разрешить американским ученым посетить лабораторию. Финн замечает, что Роскин отклонил приглашение Смита «под благовидным предлогом», сам же институт «производит убогое впечатление». Закончил свое письмо Финн следующим образом: «Сообщая Вам обо всем этом, я хотел бы этим способствовать улучшению условий работы по КР. Если препарат оправдает надежды, то вне всякого сомнения, открытие Роскина и Клеуевой явится своеобразной биологической "атомной бомбой". Это, к сожалению, еще не все у нас понимают»¹⁷.

Спустя несколько дней после визита Смит обратился в министерство здравоохранения с официальным предложением организовать совместные советско-американские исследования по препарату КР. Он предложил полное финансирование работ американской стороной¹⁸. Послу удалось договориться и о посещении

¹⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.620. Л.1-2.

¹⁷ Там же. Л.2.

¹⁸ Там же. Д.619. Л.6.

лаборатории Ключевой двумя американскими исследователями в августе текущего года.

Интерес Смита к КР спровоцировал внимание высших государственных и партийных чиновников к работам Ключевой и Роскина. В середине июля Митерев подписал специальный приказ по министерству об исследованиях КР¹⁹. В соответствии с ним, лабораторией Ключевой должно было быть предоставлено дополнительное оборудование и необходимые материалы. Приказ обязывал Ключеву и Роскина представить рукопись монографии для опубликования «без всякой очереди»²⁰. В соответствии с установленной процедурой, Митерев информировал В.М.Молотова о предложении Смита и «просил указаний»²¹.

Более того, информация о визите Смита поступила непосредственно в ЦК. Начальство Финна переслало его письмо в Секретариат ЦК. В то же время Министерства иностранных дел и государственной безопасности, следившие за каждым шагом американского посла, информировали Политбюро об интересе Смита к работам над КР. В начале августа Управление кадров ЦК направило в Политбюро пространную записку о посещении Смитом лаборатории Ключевой²². По мнению чекистов, «беседа Смита с профессорами Ключевой и Роскиным была организована нормально»²³.

В свою очередь Ключева и Роскин обратились в ЦК с просьбой поддержать их работу, ссылаясь на интерес американцев к их исследованиям и приоритет советских ученых во внедрении антираковой вакцины. Осенью 1946 они направили несколько писем Жданову и МГБ, в которых настаивали на создании необходимых условий для дальнейшей работы над препаратом КР²⁴. Их обращение оказалось весьма убедительным. 19 ноября Жданов разослал копию одного из писем Ключевой-Роскина трем членам Политбюро — Л.П.Берии, А.И.Микояну и Н.А.Вознесенскому с припиской: «Прошу ознакомиться. Считаю, что этот вопрос надо обсудить»²⁵.

Результатом «обсуждения» стало специальное секретное постановление Совмина «О мерах помощи лаборатории профессора

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.619. Л.12-13.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л.10.

²² Там же. Ф.77. Оп.3. Д.147. Л.1-2, 4-5.

²³ Там же. Ф.17. Оп.121. Д.620. Л.7.

²⁴ Там же. Ф.77. Оп.3. Д.148. Л.1-16.

²⁵ Там же. Л.7.

Клюевой», выпущенное в декабре²⁶. Проект постановления был подготовлен группой чиновников Минздрава и обоими авторами препарата — Клюевой и Роскиным. Более тридцати страниц постановления перечисляли необходимое оборудование, материалы, экспериментальных животных, реактивы и тому подобное. Постановлением также предусматривалось строительство нового помещения для лаборатории и обеспечение «секретности» работ над КР.

В начале января первые восемнадцать экземпляров книги Клюевой и Роскина «Биотерапия злокачественных опухолей» были разосланы высшему руководству, включая Сталина, Молотова, Ворошилова, Жданова, Маленкова и Вознесенского. Книга была напечатана в количестве тысячи экземпляров, но все они были задержаны в издательстве. Причиной задержки была «секретность». Высшие чины обсуждали вопрос о необходимости «засекретить» исследования. Между тем, Всесоюзная онкологическая конференция в январе 1947, на которой Клюева и Роскин докладывали о результатах своих исследований, оценила их работы как «выдающееся достижение советской науки». В начале февраля Отдел науки направил Жданову записку о необходимости скорейшего выпуска книги в свет. В записке, в частности, отмечалось: «Задержка выпуска книги в свет может привести к потере приоритета советской науки, а преимущества открытия препарата в нашей стране могут быть утеряны»²⁷. В конце концов, в середине февраля книга была выпущена в свет. Специальное решение Оргбюро от 18 февраля гласило: «1. Разрешить издательству Академии Медицинских наук выпустить книгу в свет. 2. Поручить управлению агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (т.Александров) организовать рецензии на книгу в специальной и общей печати»²⁸. Решение также приказывало увеличить тираж книги до десяти тысяч экземпляров. Естественно, решение Оргбюро было немедленно реализовано. Книга издана, в прессе появилось несколько хвалебных рецензий, внимательно отредактированных Отделом науки²⁹. Словом, в течение декабря-января Клюева и Роскин купались в «лучах славы» и наслаждались вниманием высших государственных лиц. Они явно не могли предвидеть «ложку дегтя», которую такое внимание готовило им в ближайшем будущем.

²⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.619.

²⁷ Там же. Л.11.

²⁸ Там же. Оп.116. Д.297. Л.58.

²⁹ См.: Струков А. Выдающееся открытие советской науки // Культура и жизнь. 1947. 11 марта. С.4; Петров Н. Выдающийся успех советской науки // Правда. 1947. 24 марта. С.3.

Зимой 1946 Генеральный Хирург США³⁰ пригласил академика-секретаря АМН В.В.Парина «совершить большую ознакомительную поездку по американским больницам и двенадцати крупнейшим центрам, ведущим исследования в области рака»³¹. В качестве примера отечественных исследований в этой же области Парин взял с собой в Америку рукопись книги Ключевой—Роскина и несколько образцов препарата «КР». Пытаясь договориться об издании книги в США, он передал рукопись и образцы американским коллегам. Это оказалось «смертельной ошибкой».

28 января 1947 Жданов вызвал Ключеву в Кремль для допроса «об обстоятельствах передачи документации об изготовлении антираковой вакцины США». Он особо интересовался тем, «как это могло получиться, что не удалось удержать приоритет в руках советских ученых, и секрет изготовления препарата стал известен американцам?»³² Жданов отметил, что «все это сделали без разрешения правительства и это оставило неприятный осадок с точки зрения интересов как советской науки, так и советского государства»³³. Он также интересовался обстоятельствами посещения лаборатории Смитом и ролью Минздрава в организации этого визита.

На следующий день Жданов вызвал в Кремль Митерева и допросил его об обстоятельствах дела. Он также приказал всем участникам событий — Абрикосову, Ключевой, Роскину и даже переводчику беседы Митерева и Смита — представить письменные объяснения в ЦК³⁴. 1 февраля Жданов направил все собранные материалы Сталину. В течение нескольких следующих дней Жданов и Ворошилов допросили Парина и трех заместителей Митерева и также направили их письменные показания Сталину. 17 февраля под председательством Сталина состоялось заседание Политбюро, обсудившее «дело КР». В результате этого заседания Парин был арестован как «американский шпион», а Митерев расстался с министерским креслом. Это, однако, оказалось только началом «дела КР».

³⁰ Должность, соответствующая министру здравоохранения.

³¹ См.: Cultural Relations: US — USSR // Department of State Bulletin. 1949. V.20. №509. P.403-417. Цит. на стр.408.

³² РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.149. Л.2.

³³ Там же. Трудно поверить, что Жданов не знал о том, что разрешение на передачу рукописи американцам было дано непосредственно Сталиным — см. шифрограмму замминистра А.Я.Кузнецова Сталину (Там же. Д.147. Л.9).

³⁴ Там же. Ф.17. Оп.122. Д.620.

СУД ЧЕСТИ

В конце марта 1947 ЦК и Совмин выпустили совместное постановление об организации так называемых «судов чести» в министерствах и других государственных учреждениях (таких, как, к примеру, Академия наук). Архивные документы позволяют предположить, что «дело КР» было одним из основных поводов к появлению постановления.

Первоначально суды чести были направлены на «воспитание работников государственных органов в духе патриотизма и преданности интересам советского государства»³⁵. Главной мишенью судов намечалась высокопоставленная бюрократия. Жданов писал в одной из записных книжек: «Иметь суд чести для министров и заместителей»³⁶. Во время допросов в феврале он также главное внимание уделял роли министра Митерева, его заместителей и академика-секретаря АМН Парина в «деле КР». В другой записной книжке Жданова есть следующая запись: «Суды чести в 8-10 министерствах на май. Хорошенько подготовить»³⁷. В течение весны, однако, мишень изменилась. В мае в записной книжке Жданова появилась запись: «Не нарком их вел, они вели наркома»³⁸. И первыми на скамье подсудимых оказались Ключева и Роскин.

Архивные материалы свидетельствуют, что главным организатором судов чести был Жданов³⁹. Более того, именно он «срежиссировал» первый процесс над Ключевой и Роскиным, написал полный сценарий будущего спектакля, определил главных действующих лиц — Общественный обвинитель, Председатель и Члены суда, Свидетели, Обвиняемые и Зрители (Защитник не был предусмотрен) — и назначив исполнителей главных ролей.

Главными обвинениями против всех участников дела были обвинения в низкопоклонстве и раболепии перед Западом. Растущая конфронтация с бывшими союзниками на международной арене вызвала соответствующие изменения во внутренней политике. Весной 1947 воспитание народа в «духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства» стало главным направлением пропаганды. В середине апреля Управле-

³⁵ См.: Мурин Ю. Суды чести // Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С.135-137; цит. на С.135.

³⁶ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 2). Л.2. В деле находится четыре книжки, каждая со своей независимой пагинацией.

³⁷ Там же (книжка 3) Л.13.

³⁸ Там же. Л.33.

³⁹ Записные книжки Жданова 1947 года пестрят многочисленными заметками о судах чести. Можно предполагать, что по крайней мере часть записей сделана во время заседания Политбюро и встреч со Сталиным.

ние пропаганды и агитации ЦК выпустило «План мероприятий по пропаганде идей советского патриотизма среди населения»⁴⁰. Главной целью плана была «борьба с преклонением перед Западом». Широкая «патриотическая» кампания началась поздней весной 1947. Возможно, именно этим и объясняется тот факт, что Ключева и Роскин, а не Митерев, первыми попали на скамью подсудимых⁴¹.

Мартовское постановление предоставляло инициативу организации суда парткому соответствующего учреждения (в «деле КР» — парткому Минздрава). Партком должен был обратиться с письмом к высшему должностному лицу учреждения — министру, который решал, обоснованы ли обвинения и, если да, то назначал слушание дела. В действительности, в «деле КР» Жданов лично написал «Заявление парткома Минздрава» новому министру И.Е.Смирнову и разослал его членам Политбюро для ознакомления и утверждения⁴². Более того, Жданов несколько раз редактировал речь Общественного обвинителя и Обвинительное заключение по «делу КР»⁴³. В течение второй половины мая суд провел несколько предварительных заседаний. Во время этих репетиций он допрашивал обвиняемых и свидетелей и отработывал мизансцены будущего публичного шоу.

Наконец, с 5 по 7 июня в Театре Эстрады состоялись открытые заседания суда. Более тысячи зрителей присутствовало на представлении. Первый день был посвящен допросу обвиняемых, второй — выступлениям свидетелей, членов суда и зрителей, третий — речи обвинителя и приговору. Трехдневный спектакль закончился приговором, определившим «виновность» обвиняемых и вынесшим им «общественный выговор».

Политбюро внимательно наблюдало за процессом. Ежедневно стенограммы выступлений доставлялись в ЦК. Очевидно, что первому суду чести придавалось исключительное значение. Например, еще во время «репетиций» Жданов, по-видимому, не удовлетворенный ходом процесса, написал «Заявление о ложных показаниях Ключевой и Роскина» председателю суда как «свидетель по делу»⁴⁴. В заявлении он, в частности, утверждал, что Ключева и Роскин «неискренни перед судом» и пытаются его обмануть. Показания такого важного свидетеля, естественно, были немед-

⁴⁰ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.503. Л.39-48.

⁴¹ Суд чести над Митеревым состоялся осенью 1947, см.: Там же. Ф.17. Оп.121 Д.622.

⁴² Там же. Ф.77. Оп.3. Д.150.

⁴³ Там же. Д.152.

⁴⁴ Там же. Д.151.

ленно учтены судом. Столь пристальное внимание высших государственных чинов к «делу КР» позволяет предположить, что первый процесс был предназначен служить моделью для всех последующих судов чести.

Надо думать, однако, что суды чести были не единственным инструментом «воспитания патриотического духа». Есть основания полагать, что именно «дело КР» послужило поводом для принятия Верховным Советом 14 июня 1947 года закона «Об ответственности за разглашение государственных секретов». Несмотря на то, что всего двумя неделями раньше был опубликован закон «Об отмене смертной казни»⁴⁵, новый закон (хотя и не опубликованный в прессе) возродил атмосферу всеобщей подозрительности и страха 1930-х годов.

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО

Удивительно, но в течение лета ЦК не использовал «дело КР» для организации публичной кампании. Пресса хранила молчание⁴⁶. Взамен, в середине июля ЦК направил в местные парторганизации специальные инструкции. Толстенькая брошюра, озаглавленная «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина», была разослана во все обкомы, крайкомы и республиканские ЦК⁴⁷. На брошюре стоял гриф «Секретно», а специальная надпись на задней стороне обложки гласила: «Настоящее письмо /.../ через месяц со дня получения подлежит уничтожению на местах». К счастью историков, в техсекретариате ЦК сохранился экземпляр письма за №9089 (всего было напечатано 9600 экземпляров).

Брошюра содержала собственно «Закрытое письмо ЦК» и материалы суда чести, включая заявление парткома Минздрава, стенограммы первого дня процесса, речь общественного обвинителя и решение суда. Текст самого письма был написан Ждановым и отредактирован Сталиным. ЦК приказал всем парторганизациям провести закрытые собрания по обсуждению «дела КР» и направить отчеты о собраниях в ЦК⁴⁸. В течение августа-октября 1947 все парторганизации страны «обсуждали» письмо ЦК.

⁴⁵ См.: Правда. 1947. 27 мая.

⁴⁶ Только через год началось активное использование суда для публичной пропаганды. Были написаны три пьесы по мотивам суда чести над Ключевой и Роскиным и демонстрировались в театрах всей страны. По одной из них даже снят фильм. По крайней мере одна из пьес была написана по прямому указанию Сталина. См.: Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

⁴⁷ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.258.

⁴⁸ Там же. Оп.116. Д.319. Л.13.

В партархиве сохранились многочисленные тома отчетов об этих обсуждениях из всех регионов страны. К примеру, уже 25 июля Московский горком рапортовал: «по районам г.Москвы намечено провести около 500 собраний, на которых будет присутствовать 98 тысяч коммунистов»⁴⁹.

Закрытое письмо предоставило парторганизациям основные направления и образцы риторики разворачиваемой кампании. Инструкции ЦК четко определяли цели и средства кампании. Письмо гласило: «/.../ важнейшей задачей партии является воспитание советской интеллигенции в духе советского патриотизма, преданности интересам советского государства, в духе способности противостоять любому коварному приему иностранных разведок, готовности в любых условиях и любой ценой защищать интересы и честь советского государства»⁵⁰. Письмо подчеркивало, что раболепие и низкопоклонство перед Западом широко распространены среди советской интеллигенции и особенно научной. Оно в деталях объясняло «исторические корни антипатриотического поведения русских ученых и их преклонения перед западной наукой». В связи с этим особое внимание в процессе кампании было уделено «ученым-невозвращенцам», таким, как Г.Гамов, В.Ипатьев, А.Чичибабин и Ф.Добржанский. Официальное отношение к «невозвращенцам» лучше всего иллюстрируется короткой записью Жданова: «Ипатьев. Лишен ли гражданства? Корни патриотизма подрываем. Ипатьев подлец, хотел еще сокрушить. Это соблазн для ученых. Если Ипатьева не лишили. Порвать пуповину»⁵¹. «Невозвращенцы» были использованы для широкой дискредитации советских ученых, ссылавшихся на работы «предателей Родины», не говоря уже о тех, кто состоял с ними в переписке.

Вариации на тему «потерянного» или «украденного» приоритета русских и советских ученых многократно повторялись в закрытом письме. Особенно подчеркивалось, что «если мы хотим, чтобы нас уважали и считались с нами, мы должны прежде всего уважать самих себя»⁵². Можно предположить, что заявление советской делегации на Международной конференции по связи в Атлантик-Сити (США) о русском приоритете в области радио, прозвучавшее в июне 1947, было также вдохновлено растущей «патриотической» кампанией. Борьба за приоритет советской науки,

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.258. Л.2.

⁵⁰ Там же. Л.4.

⁵¹ Там же. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 3). Л.4об.

⁵² Там же. Ф.17. Оп.122. Д.258. Л.4.

таким образом, оказалась частью более широкого мероприятия — демонстрации «самоуважения» и «достоинства» советского государства на международной арене.

ЗА СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ, ПРОТИВ НИЗКОПОКЛОНСТВА И РАБОЛЕПИЯ ПЕРЕД ЗАПАДОМ

Очевидно, что кампания «за советский патриотизм» серьезно повлияла на интеллектуальную и культурную жизнь страны. Хотя ЦК адресовал свое письмо исключительно членам партии, его содержание, естественно, стало достоянием широкой публики, которая не преминула активно включиться в кампанию. В расчете на достижение своих собственных интересов различные группы и индивидуумы начали активно эксплуатировать «патриотическую» тему. В течение второй половины 1947 писатели, композиторы, журналисты и ученые слали в ЦК письма, демонстрировавшие «патриотизм» авторов и клеймившие «раболепие и низкопоклонство» коллег, в расчете на получение звания, поста, дачи и тому подобных благ. На советское научное сообщество, однако, кампания оказала еще одно, гораздо более серьезное, влияние, помимо подхлестывания обычных карьеристских интриг.

Естественно, что научное сообщество постаралось активно использовать «патриотическую» ноту к своей собственной выгоде. Резолюция парторганизации Физиологического института АН, принятая на собрании по обсуждению закрытого письма, — одно из многочисленных свидетельств таких стараний. Понятно, что резолюция открывалась многословными заявлениями о «патриотическом духе», призывами «повысить бдительность» и тому подобными. Однако вслед за этими риторическими декларациями следовал длинный список вопросов, которые собрание посчитало необходимым поставить перед дирекцией института и Президиумом Академии: «а) об увеличении объема «Физиологического журнала» /.../; б) об ускорении выпуска научных трудов Физиологического института и отдельных монографий; в) о необходимости систематического печатания защищенных в институте кандидатских и докторских диссертаций; г) об организации библиографических периодических справочников и реферативных журналов по медико-биологической литературе»⁵³. Очевидно, что участники собрания пытались использовать кампанию для решения определенных практических проблем. Используя «модный ло-

⁵³ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.261. Л.55.

зунг» — «За приоритет советской науки», они старались улучшить систему научных публикаций.

Однако, главные последствия «патриотической» кампании оказались чрезвычайно отрицательными. «Дело КР» обозначило серьезное изменение в государственной научной политике. Концепция «двух наук» — противостоящих друг другу «советской» и «западной» — была возрождена. Концепция «единой мировой науки» опять отвергнута. Высшие партийные деятели придавали большое значение ее полному уничтожению, что можно проиллюстрировать одним примером.

В 1944 П.Л.Капица направил в ЦК длинное письмо о «секретности» в науке⁵⁴. Капица писал, что секретность несовместима с научной деятельностью, поскольку она интернациональна. Он утверждал, что работы ученых разных стран зависят друг от друга и научный прогресс невозможен без свободного обмена идеями и результатами. В то время письмо Капицы оказалось убедительным. В результате ЦК разрешил открытую публикацию ряда материалов, до того трактовавшихся как сугубо секретные. В августе 1947, однако, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК Г.Ф.Александров направил копию письма Капицы (которое хранилось в архиве Управления) Жданову. Александров предположил письму собственный комментарий: «Капица пытается дать "теоретическое" обоснование общечеловеческого, [а] не национального характера научных открытий. По сути это та же позиция, что и Ключевой, только изложенная в развернутом виде»⁵⁵.

Можно предполагать, что в процессе кампании все «дело КР» было подогнано под задачу уничтожения идеи об «общечеловеческом» характере науки и возрождения забытого было образа особенной «советской» науки, отличающейся от науки всего остального мира или по крайней мере его западной части. Таким образом, «патриотическая» кампания подорвала значение одного из наиболее весомых аргументов, который научное сообщество активно эксплуатировало в послевоенные годы в своих отношениях с парт- и госаппаратом, — необходимость международных научных связей и обмена научной информацией.

«Дело КР» драматическим образом повлияло на принятие решений в сфере научной политики. Кажется, именно оно послужило поводом к прекращению избрания видных западных ученых чле-

⁵⁴ Сокращенный вариант этого письма опубликован: Капица П. Письма о науке. М., 1989. С.218-220. Оригинал письма см.: РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.545. Л.64-66.

⁵⁵ Там же. Л.67.

нами-корреспондентами АН СССР. В середине июня 1947 Оргбюро ЦК отклонило предложение Академии избрать в членкоры ряд американских и английских ученых — «ввиду того, что никто из наших ученых на протяжении последних лет не избирался в состав какой-либо американской или английской организации, соответствующей нашей Академии»⁵⁶. Взамен Оргбюро «рекомендовало» Академии избрать польских, болгарских и венгерских ученых.

Спустя месяц, в середине июля, Оргбюро приняло решение закрыть академические журналы, издававшиеся на иностранных языках, такие как «Journal of Physics», «Acta physico-chemica» и «Доклады АН СССР». Решение гласило: «ЦК ВКП(б) считает, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит ущерб интересам советского государства, предоставляет агентам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки. Издание Академией наук СССР научных журналов на иностранных языках в то время, когда ни одна страна не издает журнал на русском языке, роняет достоинство Советского Союза и не отвечает задаче воспитания ученых в духе советского патриотизма»⁵⁷.

Немедленно после принятия этого решения, 14 июля 1947, Президиум АН СССР выпустил специальную инструкцию «О порядке научных публикаций». В соответствии с ней все журналы Академии прекратили печатать оглавления и резюме на иностранных языках. Стоит ли говорить, что рубрика «По страницам иностранных журналов» исчезла из «Вестника» Академии.

В результате «патриотической кампании» практически вся международная активность советского научного сообщества была заморожена. Проекты организации «Международного Научного издательства» и «Международного научного журнала» похоронены. Советским ученым предложили отказаться от вхождения в состав иностранных научных обществ. Зарубежные поездки ученых минимизированы, а каждой делегации, выезжающей за рубеж, непосредственно Оргбюро ЦК выдавало «директивные указания». Эти указания в деталях определяли, что можно и что нельзя делать, за что голосовать, назначали докладчиков от делегации и так далее⁵⁸. В одной из записных книжек Жданова имеется любопытное предложение: «Секретари комиссий, командированных

⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.116. Д.312. Л.18. Заявление совершенно не соответствовало действительности.

⁵⁷ Там же. Д.314. Л.54.

⁵⁸ См., например, директивные указания советской делегации на съезде Международного астрономического союза в Цюрихе: Там же. Оп.115. Д.737. Л.3.

заграницу, должны быть чекисты»⁵⁹. Можно полагать, это предложение было немедленно реализовано. Так, в конце июня Оргбюро утвердило состав советской делегации на XVII Международный физиологический конгресс в Оксфорде. Наряду с крупными учеными и администраторами, такими, как Л.А.Орбели, А.В.Палладин, И.С.Бериташвили, Л.Н.Федоров, в состав делегации в должности «секретаря» был включен некий Г.Н.Верхоглядов⁶⁰. Все мои старания найти какое-либо упоминание о советском физиологе с такой фамилией не увенчались успехом. По-видимому, это и был секретарь-чекист.

Помимо этих внешних последствий, кампания имела целый ряд внутренних. Она создала новую идеологическую атмосферу и новый вид риторики, который был использован различными группами внутри научного сообщества как мощный инструмент институциональной борьбы. Различные группы, конкурировавшие за благосклонность государственных и партийных органов, немедленно начали эксплуатировать эту риторику в целях дискредитации их оппонентов и укрепления собственных позиций в глазах бюрократии. В физике и биологии, химии и психологии, как и во всех остальных дисциплинах, конкурирующие группировки начали писать в вышестоящие инстанции, заявляя о своем «приоритете» и «патриотизме» и обвиняя оппонентов и конкурентов в «пренебрежении приоритетом», «низкопоклонстве и раболепии» и тому подобных грехах. Некоторым из писавших удалось спровоцировать мини-кампании в отдельных дисциплинах и институтах.

Так, например, лысенковской команде удалось скомпрометировать одного из наиболее влиятельных оппонентов, А.Р.Жебрака. 7 сентября 1947 завсельхозотделом «Правды» И.Лаптев опубликовал статью, обвинявшую Жебрака и Н.П.Дубинина в «антипатриотических поступках»⁶¹. Им инкриминировалась публикация статей о достижениях советской генетики в американском журнале «Science» без упоминаний работ Лысенко. Результатом статьи Лаптева стал суд чести над Жебраком⁶² и его смещение с должности президента Белорусской АН.

⁵⁹ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 3). Л.9об.

⁶⁰ Там же. Ф.17. Оп.116. Д.313. Л.15.

⁶¹ Должно быть, в награду за эту статью осенью 1947 Лаптев был включен в список кандидатов в академики ВАСХНИЛ.

⁶² Попытка парткома Института генетики организовать суд чести над Н.П.Дубининым была остановлена С.И.Вавиловым и Л.А.Орбели.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

«Дело КР», открывшее новую идеологическую кампанию, обозначило серьезные изменения в общей идеологической атмосфере — первый серьезный «заморожок» холодной войны, обрушившийся на советскую науку. В ситуации растущей конфронтации с бывшими союзниками ученые стали очевидной мишенью для атаки. Можно предполагать, что все «дело КР» было организовано с целью «преподать урок» интеллигенции, в первую очередь, научной. Дело, первоначально задуманное в назидание высшему слою государственной бюрократии, было превращено в широкую пропагандистскую кампанию, адресованную обществу в целом и научному сообществу в частности.

Судьба главных «героев» дела — Н.Г.Клюевой и Г.И.Роскина — подтверждает, что основной целью кампании был «урок интеллигенции». Следуя привычным стереотипам, можно предположить, что Клюева и Роскин были арестованы и заключены в лагерь (или даже расстреляны). В действительности ничего столь драматического с ними не произошло. Упомянутое выше постановление Совмина «О мерах помощи лаборатории профессора Клюевой» было выполнено почти на сто процентов: новая лаборатория построена и оборудована, а исследования засекречены и продолжены⁶³.

Даже современники удивлялись, почему Клюева и Роскин не были судимы уголовным судом? Этот вопрос регулярно звучал на многочисленных собраниях, обсуждавших закрытое письмо ЦК. В ответ собравшимся разъясняли, что Клюева и Роскин не «преступники», они не совершали «преступления» («преступник» В.Парин был действительно арестован и отправлен в лагерь), но они повинны в «антипатриотических поступках» и их нужно перевоспитать в духе советского патриотизма. Как Жданов записал в своей книжке: «Таких людей сделать посмешищем и позором, а мы этого не делаем. Со всех сторон закрыть двери для антипатриотов»⁶⁴. Целью кампании был не арест (и/или казнь) двух «провинившихся» ученых, а демонстрация обществу новых направлений государственной политики как в международных, так и домашних делах и создание новой идеологической атмосферы.

⁶³ Спустя месяц после «суда», 12 июля 1947, Совмин выдал специальное «поручение» (№44-3), обязывавшее все министерства, участвующие в проекте, «выделить материалы и оборудование для строительства лаборатории профессора Клюевой».

⁶⁴ РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.3. Д.177 (книжка 3). Л.5.

В отличие от Ключевой и Роскина, советское научное сообщество действительно оказалось арестовано и посажено. Радикально изменился характер принятия решений в научной политике, особенно в сфере международных связей. Изоляционный барьер между советской и западной наукой был восстановлен и очень скоро превратился в «железный занавес». «Дело КР» обозначило и начало восстановления идеологического контроля над советским научным сообществом, заметно ослабленным во время войны. В следующем, 1948, этот контроль был расширен из сферы международных отношений на содержание научных концепций и исследований в процессе кампании «За мичуринскую биологию».